

УДК 39

DOI: 10.17223/2312461X/29/11

**«КАК СКОРО ПТИЦА ЛЕТИТ...»
(ИЗ ПРАКТИКИ УПРАВЛЕНИЯ
СИБИРСКИМИ НАРОДАМИ В 1920–1930-х гг.)^{*}**

Елена Валерьевна Перевалова

Аннотация. В статье, базирующейся на материалах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Тобольского историко-архитектурного музея заповедника, Музея природы и человека в г. Ханты-Мансийске, Государственного архива г. Тобольска, Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, рассмотрены исторические основания и обстоятельства выстраивания диалога советской власти и туземного населения Крайнего Севера в 1920–1930-х гг. Несмотря на классовые противоречия на раннем этапе преобразований советская власть активно использовала имперскую систему управления сибирскими инородцами, хотя, по существу, советизация означала переподчинение пространства империи во всех сферах, включая подавление прежней элиты. Сочетание иллюстративных и документальных источников позволило, используя метод «крупного плана» в этноисторической реконструкции, нарисовать портрет Василия Тайшина, последнего представителя остяцкой княжеской династии, ставшего одним из главных этнических лидеров периода становления советской власти на Обском Севере. Обнаруживающие устойчивость традиции соотношения этничности и власти сохраняются в качестве элементов жизни современных сообществ обских угров и самодийцев, продолжая оказывать определенное влияние на современные политические системы и этнические процессы.

Ключевые слова: управление, инородцы, Обдорский инородческий подотдел РИКа, обдорские князья, самоедские старшины, Василий Иванович Тайшин, печати, тамги, остяки (ханты), вогулы (манси), самоеды (ненцы), Северо-Западная Сибирь

Визуальный источник (рисунок, фотография) – это не просто выхваченный из потока времени миг, а целостное визуальное повествование и одновременно самопрезентация, позволяющая глубже постичь предмет исследования (см.: Bourdieu 1990). В сочетании с документом визуальный нарратив дает возможность более широкого использования метода «крупного плана» в историко-антропологических реконструкциях, позволяя персонифицировать и детализировать интерпретацию (см.: Головнёв 2007, 2010). Собранные в единую композицию иллюстративные и документальные источники из фондов Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (фотоколлекция А. Байера, полевые материалы и этнографические коллекции Г.Д. Вербова), Тобольского ис-

^{*} Статья подготовлена по гранту РФФИ № 18-39-20004 «Этнокультурные проекты и их лидеры на постсоветском пространстве» (рук. С.Ю. Белоруссова).

торико-архитектурного музея-заповедника (фотоколлекция Н.А. Варпаховского и др.), Государственного архива в г. Тобольске, Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа и Музея природы и человека (Ханты-Мансийск) (документы конца XIX – начала XX в.) позволяют более обстоятельно, в лицах представить практики управления сибирскими народами в период слома имперской и создания советской государственной системы (1920–1930-е гг.).

«Бумага» с печатью и птичьим пером

Отправляясь зимой 1879 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири на север Тобольской губернии с целью выяснения возможности прокладывания колесной дороги по нагорному берегу Иртыша из Тобольска в Самарово, член Сибирского военно-топографического отдела Н.К. Хондажевский получил от Русского географического общества задание по сбору сведений «о нахождении остяцких и самоедских стойбищ и положении инородцев». На оленье упряжке военного топографа была «надрезана... царская тамга, в знак того, что они выставляются согласно распоряжению начальства». По этому поводу Хондажевский в своих записях подмечал, что инородцы «...беспрекословно чтут так называемую царскую тамгу, заключающуюся в том, что на обтесанной палочке вырезают императорский вензель, т.е. букву “А” с двумя значками внизу. Получив подобную бирку, инородческие старшины немедленно исполняют предъявленные им требования, а предписаний на бумаге, несмотря на приложенные печати и прилепленный обрывок пера, при своей безграмотности, в толк не берут» (Хондажевский 1877–1878: 18, 22).

Упоминание о «бумаге» с приложением печати с птичьим пером встречается и в описаниях других исследователей Севера. По наблюдениям К.Д. Носилова, не владеющие грамотой вогулы всякое письмо принимали «непременно за деловое и не иначе как от заседателей», а конверты с большими печатями и гербом – «за письма от самого государя». Любая корреспонденция «обыкновенно» заворачивалась в бумагу, а «сверху в бересто», чтобы «не подмочить “дела”». Перевозили такой сверток за пазухой от юрты к юрте по случаю. Но если на посылке или на конверте была «печать и у неё два перышка» как «знак экстренности дела», эти «бумаги» доставлялись до адресата в кратчайшие сроки (Носилов 1997: 72).

Сложившейся имперской системой срочного и действенного оповещения инородцев пользовались и представители духовной власти. Настоятель Обдорской миссии иеромонах Иринарх (И.С. Шемановский) писал: «Остяки и самоеды печати на бумаге придают большое значение. Бумага без печати ничего не значит, а с печатью же – много.

Если к печати на письме или конверте прикреплено гусиное перо или другое какое птичье, то бумага или пакет приобретает в их сознании особую важность и спешность. Ленивые, они при вручении им бумаги с припечатанным пером, быстро доставляют его по месту назначения. Как скоро птица летит, так скоро должна быть доставляема на место и бумага с птичьим пером, говорят они. Пакет с таким пером смело может быть доверен инородцам, они его всегда доставят тому, для кого он назначен» (Иринарх 2005: 26). В рассказанной Иринархом «истории с гусинным пером» описывается ситуация, когда он по настоятельной просьбе остяка написал «бумагу» и «для большего апломба приложил сургучную печать, к которой припечатал гусиное перо». В этом письме, адресованном жене инородца Обдорской волости Кунжольских юрт Ивана Григорьевича Сязина Дарье Николаевне, духовный отец наказывал «оставить худое дело» (внебрачную связь) и вернуться в семью к детям, поскольку они с мужем Иваном венчаны в церкви. Через некоторое время священник не без удивления узнал, что «бумага» с печатью и гусиным пером имела воздействие: осознавая важность документа, остяки «толпой заставили заблудшую вернуться к законному мужу» (2005: 25–26).

**Коллекция Г.Д. Вербова МАЭ № 4695.
Приказ № 158 от 30 января 1925 г.**

В первое десятилетие советской власти новые органы управления активно использовали старые, имперские, принципы и механизмы взаимодействия с коренным населением Северо-Западной Сибири. Они многое перенимали из опыта выстраивания диалога имперской администрации с туземцами (Первалова 2011). Упоминание о «грозном мандате с сургучной печатью и огромным гусиным пером» встречается в воспоминаниях участника становления советской власти на Обском Севере И.П. Волкова¹ при описании отхода большевиков под нажимом отрядов белогвардейцев из Обдорска на Марра-Сале и через Урал в марте 1921 г. (Архив МПиЧ. ХМ-44: 4–5). Имперскую систему оповещения остяцких юрт и самоедских тундр использовали для передачи своих приказов и распоряжений созданные при райисполкомах в начале 1920-х гг. инородческие подотделы.

В 1941 г. в Музей антропологии и этнографии РАН от Григория Давыдовича Вербова поступила небольшая ненецкая коллекция «предметов охоты и культа», зарегистрированная под № 4695-1–19. По-видимому, коллекция была передана в Кунсткамеру непосредственно перед уходом Вербова на фронт, а зарегистрирована уже после войны – в 1947 г. Вероятно, основу ее составили экспонаты, собранные в ходе последней экспедиции Вербова на Север. В одном из архивных дел сохранился рукописный документ «Г.Д. Вербов. Этнографическая экспедиция к

ненцам 1938–1939 г. Предварительный отчет» (Архив МАЭ), в котором указано, что экспедиция охватывала Таймырский, Ямальский и Ненецкий округа (маршрут Енисей–Таз–Пур–Обь–Печора–Мезень) и проводилась по договору с Институтом этнографии в связи с подготовкой 4-томного издания «Народы Сибири». И хотя средств на приобретение этнографических коллекций Вербов не имел, им все же было собрано 67 предметов, «главным образом по разделу “верования” и “шаманство”», помимо этого в дар музею планировалось дополнительно передать еще свыше двадцати экспонатов (Архив МАЭ: 31). Поскольку в задании по организации и проведению экспедиции был назван сбор данных «о первых этапах советизации тундровых районов», в том числе об «участии ненцев в революционном движении и Октябрьской революции и создании национальных округов», Вербов непременно должен был побывать в инородческом подотделе в Обдорске. Возможно, именно поэтому в актах передачи коллекции № 4695 в музей наряду с «шаманскими бубнами, луками и стрелами» последними номерами были буквально вписаны два интереснейших экспоната – «Оттиск печати на листе белой бумаги “Печать К. Тайшина”» в двух экземплярах (МАЭ. № 4695-18/1, 2) (рис. 1) и «Оттиск печати Обдорского инородческого подотдела за двумя печатями» (МАЭ. № 4695-19) (рис. 2).

Два оттиска (№ 4695-18/1 и 4695-18/2) идентичны: выполнены на листке белой бумаги сажей, как водилось в те времена. Точно такие же оттиски печати князей Тайшиных, равно как и других остяцких и самоедских старшин, встречаются на разного рода документах, например, в «Шнуровой книге с печатью Обдорской остяцкой и самоедской управ для записи приговоров, разбирательству тяжб и споров между инородцев и по поступкам их. 1981–1901 гг.» (Научный архив ТИАМЗ. ТМ-13428).

Более интересен второй экспонат из коллекции МАЭ № 4695-19 – это, конечно, не «оттиск», как указано в акте поступлений, а написанный от руки чернилами на ½ листа бумаги документ (бумага, сажа, сургуч, перо, чернила):

Приказ № 158. 30 января 1925 г. Настоящим Обдорский инородческий подотдел приказывает всем самоедским родовым и ватажным старшинам и зажиточному кочующему самоедскому населению явиться в г. Обдорск в инородческий подотдел для учета кочующего населения и участия в имеющей быть ярмарке с 15-го января по 15 февраля с./г.

Неисполнение настоящего приказа будет рассматриваться как уклонение от такового и будет наложено административное взыскание. При объявлении приказа отбывать тамгу <...> настоящий приказ запрещается.

Тайшин В.И. [тамга]

<... ...> [тамга]

Приказ завизирован двумя тамгами: одна в виде перевернутой буквы «Т», вторая в виде перевернутой и наклоненной вправо буквы «Т».

Рис. 1. Оттиски печати на листе белой бумаги
«Печать К. Тайшина» (бумага, сажа) (МАЭ. № 4695-18/1, 2)

Рис. 2. Оттиск печати Обдорского инородческого подотдела «за двумя печатями»
(бумага, сажа, сургуч, перо, чернила) (МАЭ. № 4695-19)

Одна тамга стоит напротив имени В.И. Тайшина (Василия Ивановича) и принадлежит последнему. Этот факт не подлежит сомнению, поскольку тамги обдорских князей Тайшиных, в том числе и самого Василия Ивановича Тайшина, можно обнаружить и на других документах середины 20-х гг. XX в. (ГА ЯНАО. Д. 21. Л. 8 (20)). Второе имя на приказе написано неразборчиво, вероятно, это кто-то из остяцких или самоедских старшин (возможно, также из рода Тайшина, поскольку тамги в основе своей идентичны). Особенно интересны на этом документе круглый оттиск печати с использованием сажи (к сожалению, он размыт, прочитать что-либо не удалось, возможно, это печать инородческого подотдела) и сургучная печать, которая, как это было принято в отношении срочных и важных государственных бумаг, наложена на два птичьих пера.

В.И. Тайшин на фотоснимках Бейера

Две фотографии В.И. Тайшина, последнего из представителей обдорской княжеской династии, обладавшего реальными властными полномочиям, хранятся в фотофонде МАЭ РАН (Фотоархив МАЭ. № 1233-1–4) (рис. 3, а, б). Оба постановочных фотоснимка можно отнести к категории «портрет с окружением». Контент и контекст фотоизображений, а также названия-комментарии к ним содержат ярко выраженные знаки идентичности и самопрезентации (см.: Богданова 2012: 100–103). На одной из фотографий – «Народный судья (князь) Василий Иванович Тайшин с женою у своего летнего (берестом покрытого) чума, в праздничной одежде» (Фотоархив МАЭ. № 1233-2) – супруги Тайшины сняты на берегу реки. На фотографии «Вся семья Тайшина у чума» (Фотоархив МАЭ. № 1233-3) князь, его жена с ребенком на руках, девочка-подросток с собакой сняты на той же рыболовной стоянке (помимо берестяного чума в кадр попали вешала для сушки рыбы). Вероятно, это один из принадлежащих Тайшиным рыболовных песков, находившийся, как указано в актах поступлений фотоснимков, в трех верстах от Обдорска. Парадная одежда, в которую облачена семейная пара, – малица, подпоясанная ремнем с ножнами (у Василия), богатый (собранный из шкурок горностая и / или белки) *сах* и большой платок (у его жены). Обращает на себя внимание широкая *панда* (полоса опушки по подолу) малицы, поскольку, по воспоминаниям нижеобских хантов, одежду князей Тайшиных отличала пушистая опушка, для пошива которой они специально держали белых собак.

Визуальная презентация лидера остяцкого народа выполнена, вероятно, как обоюдное соглашение заинтересованного фотографа и снимаемого на камеру героя. Обе фотографии, как указано в актах и книге поступлений, сделаны в 1904 г. «А. Бейером из Екатеринбурга» и переданы им в дар музею в марте 1908 г. Отмечу, что в коллекции МАЭ № 1233 всего четыре фотографии этого автора: помимо упомянутых

двух снимков, есть еще два – «Чумы в миссионерском стане Хэ» [Самоедские чумы в миссионерском стане Хэ] (Фотоархив МАЭ. № 1233-4) и «“Кайбудея” – святое место в Варкутах, на лиственнице рога и черепа и оленей» (Фотоархив МАЭ. № 1233-1). Четыре фотографии попарно вставлены в паспорт по формату «вертикаль» и «горизонталь» (Фотоархив МАЭ. № 1233-3, 1233-1, 1233-2, 1233-4).

а

б

Рис. 3. Народный судья (князь) Василий Иванович Тайшин с женой у своего летнего берестяного чума, в праздничной одежде. Фотография А. Бейера, 1904 г. (Фотоархив МАЭ № 1233-2) (а); семья Тайшина у чума. Фотография А. Бейера, 1904 г. (Фотоархив МАЭ № 1233-3) (б)

В сопроводительном письме автора фотографий на имя руководителя музея указано, что снимки «самоедов» выполнены им во время «одной из поездок по ревизии метеорологических станций» Западной Сибири. Исходя из записи, становится понятной широкая географическая привязка снимков А. Бейера – устье р. Полуй (в 3 верстах от Обдорска), Варкуты (берег Обской губы в 150 верстах от Обдорска) и стан Хэ (берег Обской губы в 20 верстах от устья Надыма, в 200 верстах от Обдорска). В письме Бейера также содержится предложение о специальной фотосъемке для музея во время его поездок по Северу, если такое сотрудничество видится полезным (в этом случае желательно составление специальной «программы», по возможности возмещение затрат на пластины и получение казенных конвертов для их бесплатной пересылки) (см.: Акты к коллекции № 1233). Как удалось выяснить, Артур Робертович Бейер² с 1900 г. действительно служил метеорологом в Екатеринбургской магнитно-метеорологической лаборатории. Он активно интересовался Севером и даже побывал на Новой Земле и на архипелаге Шпицберген в качестве «физика» в составе российско-шведской экспедиции градусных измерений Шпицбергена (1899–1901) (Оноприенко 2012: 9). В Екатеринбурге А.Р. Бейер активно сотрудничал с Уральским обществом любителей естествознания, собирал этнографические коллекции (в 1904 и 1912 гг. он подарил УОЛЕ большую коллекцию вещей хантов и манси), а с 1906 г. являлся заведующим отделом этнографии УОЛЕ (Зорина 1996: 100, 101).

Василий Иванович Тайшин: крупный план

Имя представленного на снимках из фонда МАЭ Василия Ивановича Тайшина довольно часто фигурирует в архивных документах конца XIX – начала XX в. В переписке Тобольского губернатора, березовского окружного исправника и обдорского земского заседателя, связанной с вопросом сохранения за наследниками умершего 3 февраля 1886 г. обдорского остяцкого князя Ивана Матвеевича Тайшина княжеского достоинства и поднесенных в разное время от российских государей даров (жалованной грамоты Екатерины II, парадной одежды, медалей, оружия, кубка), отмечалось, что все реликвии после смерти князя были переданы его старшему внуку Ивану, поскольку сыновья его Иван и Марк «безупречным поведением не отличались», «оба пьянствовали» и в пьяном виде, по свидетельству очевидцев, были «характера буйного». В 1889 г., после смерти старшего сына Ивана Матвеевича Тайшина все трое внуков – Иван, Семен и Василий, были намерены ходатайствовать о признании их в княжеском достоинстве (ГА в г. Тобольске: 2–3 об., 13, 14). Семен Иванович Тайшин возглавлял Обдоскую остяцкую управу в 1891–1897 гг., Василий Иванович – в 1898–1920 гг. (Еманов 2004: 149), в 1922–1924 гг. он возглавлял инородческий подотдел Обдорского окрисполкома.

На последнем из дореволюционных снимков представителей обдорской княжеской фамилии Тайшиных – фотография «Остяцкий князь Тайшин» [Остяцкий князь Тайшин с сыновьями], сделанная в фотосалоне М.М. Уссаковской в Тобольске в 1910 г., – в длинном парадном халате с кортиком на поясе в окружении семьи представлен, вероятно, один из сыновей Ивана Матвеевича (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15655). Возможно, он же снят в окружении остяков перед зданием Обдорской инородной управы на фотографии «Остяки и князь Тайшин в Обдорске», сделанной Н.А. Варпаховским во время экспедиция на р. Обь и Обскую губу в 1895–1896 гг. (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15539/90). Сказать, кто из двух сыновей или трех внуков представлен на них, сложно, поскольку полного имени в аннотации к фотографии не указано. А вот на фотографии гласных Первой сессии Тобольского губернского земского собрания (1918 г.), среди которых названы князь Тайшин «от низовых остяков», Хему Хороля «от бродячих самоедов», Тазю Юганпелик, «самоед влиятельного рода» и два переводчика (Фотархив ТИАМЗ. ТМ-15656) (рис. 4), можно узнать Василия Ивановича Тайшина, который занимал довольно активную позицию с первых месяцев установления советской власти на Обском Севере.

Рис. 4. Гласные Первой сессии Тобольского губернского земского собрания: князь Тайшин, Хему Хороля, Тазю Юганпелик, самоед влиятельного рода и два переводчика (Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15656)

Известно, например, что по ходатайству «северных депутатов» (Василия Тайшина, Льва Ямзина, Хэму Хороля) Первая чрезвычайная сессия Первого Тобольского губернского земского собрания (1–10 февраля 1918 г., Тобольск) рассматривала проблемы территориально-этнического разделения Березовского уезда на волости, в том числе вопросы о выделении самостоятельных русско-зырянской и самоедско-остяцкой волостей в составе Обдорской волости, о признании остяков и самоедов «единственными законными владельцами природных угодий», об открытии потребительского общества в Обдорске и организации работы хлебозапасных магазинов (см.: Протоколы 1918: 1–6, 14–17, 19–21; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 52–53).

Фигура и деятельность В.И. Тайшина – это попытка адаптации и выстраивания отношений туземного населения Обского Севера с советской властью. Кратковременный союз Советов с местной элитой был направлен на поиск оптимальных форм управления. Коммунист М.С. Канев, встретившийся с «последним князем» обдорских остяков в октябре 1920 г., отзывался о нем уважительно. «Ростом Василий Тайшин был выше среднего. Лет ему было около шестидесяти, русский, плешивый, с двумя косами, сплетенными из не выпавших волос на затылке и по бокам головы, с пышными усами, коротко подстриженной круглой бородкой. Глаза всегда слегка прищурены. При беседе говорит рокочущим басом, изредка бросая на собеседника короткие изучающие взгляды»; «на собраниях он любил ораторствовать», говорил «горячо, убежденно», не любил «лести, взяток, всяких подношений», обожал «хорошую шутку, острое слово», был справедлив, жил, по обдорским меркам, скромно, так как имел всего 700–800 оленей; одевался «чисто, со вкусом: зимой в малицу с широким пышным подолом из длинношерстной собачей шкуры», поверх нее носил пеструю пыжиковую сорочку, подпоясанную поясом с ножом «с мамонтовой ручкой в мамонтовых ножнах», летом – «в суконный гусь... из разноцветных тонких сукон». Демобилизованного красноармейца-коммуниста «князь» подробно расспрашивал о ситуации в стране: когда закончится война между русскими, много ли войск у красных, у кого лучше оружие и на чем строится убежденность красных в победе, будут ли у новой власти «настоящие деньги» (т.е. медные, серебряные и золотые), и как будет организована торговля. Было очевидно, что у Тайшина хорошо поставлено оповещение обо всем происходившем на бывшей подвластной ему территории, и результаты «пресс-конференции» через несколько дней благодаря «беспроволочному телеграфу» будут известны не только живущим оседло по берегам Оби и ее притоков остякам и самоедам, но и кочевникам тундры (Канев 1995: 38, 41–44).

В первые два десятилетия своего существования Советы, несмотря на резкое противопоставление царскому режиму, были вынуждены ис-

пользовать прежние механизмы управления туземным населением. В 1920 г. в «инородческий стол» волостного ревкома вошли представители остяцкой княжеской династии Василий и Михаил Тайшины. По их инициативе общее собрание остяков и самоедов Обдорской волости приняло постановление «О восстановлении инородного суда и выборе народных представителей». Инородный суд должен был состоять из четырех выборных старшин от самоедов и трех – от остяков, местом судопроизводства определялся Обдорск, в тундре суд мог действовать «в лице двух судей». Судьями были избраны остяки Василий Тайшин, Миндзян Кылимов и Павел Пальдин, самоеды Никифор Сэрико и Махуци (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 63, 65, 301–302). По настоянию Тайшина «собрания» остяков и самоедов проводились, как и прежде, отдельно, в «управе» после установки зимнего пути, а к главному остяцкому старшине был прикреплен знающий местные языки представитель Обдорской парторганизации Семен Киселев (Канев 1995: 30–31). Этот сюжет сохранился в воспоминаниях северных хантов. Василия Тайшина в народе называли «судьей», он и его брат «судили и при красных»: «...зимой в Горноknязевске, где находился его дом, собирались люди разных родов, за проступки наказывали розгами и били ладонями по лицу». За Василием «нередко приезжали из Обдорска», так как там находилась «управа», был у него и «свой толмач» (ПМА, р. Полуй, 1988; ПМА, Нижняя Обь, 2014).

В период восстания 1921 г. бывший старшина Обдорской остяцкой управы Василий Иванович Тайшин оказывал содействие в эвакуации партийных и советских работников из Обдорска (Еманов 2004: 149). Активность представителей княжеской династии во многом была вызвана деятельностью главы Обдорского волостного ревкома П.И. Сосунова, по инициативе которого 13 марта 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Наркомнац был образован Полярный подотдел по управлению и охране первобытных (туземных) племен Севера России (Полярный Север) (подробнее см.: Сергеев 1955: 214, 215). Основанием послужила резолюция Съезда ватажных старшин кочевого и оседлого населения Обдорского района Березовского уезда (3 февраля 1922 г., Обдорск), в которой отмечалось, что «инородческое население... охотно идет навстречу требованиям рабоче-крестьянской власти» и выполняет ее директивы, но желает делать это «непременно через своих инородческих представителей», «знающих своих соотечественников», что позволяет верно распределить «персональные повинности». В протоколе съезда также содержалось «настойчивое требование... об образовании национального управления» при «неприкосновенности национальных и религиозных чувств». «По обычаю» документ был заверен печатью и тамгами старшин Василия Тайшина и Никифора Вануйта (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 10, 71, 72).

Полярный подотдел под руководством П.И. Сосунова начал свою деятельность с подготовки конференции «туземных племен Полярного севера» (24–29 июля 1922 г., Самарово). В работе форума участвовали 15 делегатов-инородцев: Н.И. Вануйто, В.И. Тайшин, А. Серасхов, Г. Ямал, И.О. Хороля и Г.И. Артеев представляли Обдорскую волость, Н. Каюков и И. Каюков – Сургутский уезд, Т.П. Попов, С.П. Мазиков и Ф.М. Катанин – Кондинскую, Самаровскую и Реполовскую волости. На конференции впервые прозвучала идея предоставления «национальным меньшинствам» Полярного Севера административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии, а постановление форума содержало конкретную программу организации землеустройства и хозяйственного развития северных территорий, административного управления и судопроизводства инородческого населения (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 10–11, 73–76).

Туземная элита Обского Севера, в том числе и представители княжеского рода Тайшиных, энергично включились в деятельность новых органов власти. В работе остяцкого «съезда» Обдорской волости 22 ноября 1922 г. принимали участие 42 представителя по «особому» и 124 участника по «прилагаемому» спискам. Председательствовали остяки Хатту Круптинский и Яков Шиянов, секретарствовал Григорий Артеев, присутствовал председатель окружного исполкома А.Я. Чупров. Первым вопросом был заслушан доклад Артеева и Тайшина о поездке на самаровскую инородческую конференцию. Затем обсуждались вопросы финансового положения «управы», содержания инородческого подотдела и использования построенных и приобретенных на средства инородцев зданий, отправления «советской гоньбы» и содержания станций по тракту Березов–Обдорск, приобретения муки в хлебозапасные магазины и сдачи рыбы летних уловов. При выборах нового состава «старшин» В.И. Тайшин просил освободить его от должности ввиду возраста и «долголетней службы». Однако председатель призвал его не оставлять «дело инородческое», которое «только начинает становиться на твердую почву при советском строительстве». И «при общем рукоплескании» съезд избрал старшинами В.И. Тайшина (Князевские юрты) и Ф. Пальдина (Харпослинские юрты), а их заместителями – остяков Ерио Калимова и Андрея Серасхова (Собские юрты). Имеющий огромный опыт административной работы старшина Василий Иванович Тайшин был избран представителем от остяков в Обдорский волисполком и возглавил инородческий подотдел (ГА ЯНАО. Д. 21. Л. 1–11 об.).

Осенью 1923 г. Тюменская губерния была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа, вошла в Уральскую область. Обской Север (Обдорский, Березовский, Самаровский, Кондинский и Сургутский районы) был включен в Тобольский округ. Созданные при райисполкоммах

инородческие подотделы постепенно превращались в «подсобный аппарат» местных органов власти в работе среди туземного населения. В 1923 г. среди членов волостного исполкома значатся В.И. Тайшин, А. Серасхов и К. Тибичи с окладом 781 руб. 20 коп. (ГА ЯНАО. Д. 70. Л. 12–12 об.; Д. 71. Л. 60, 96, 100, 156). Через выбираемых на собрания родов старшин подотдела проводились в жизнь «распоряжения властных структур, касающиеся инородческого быта», соби́рался сельскохозяйственный налог (ясак), выполнялись договоры «по советской гоньбе». По настоянию туземной элиты в 1925 г. президиум Тобольского окрисполкома постановил временно ввести «нагрудный знак для представителей и старшин туземных сельсоветов Обского района» (см.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 80–81, 84, 85).

Туземная элита принимала активное участие в работе разного уровня советских форумов и организаций. В ноябре 1923 г. Н. Вануйта был делегирован на окружной съезд Советов (Тобольск) (ГА ЯНАО. Д. 64. Л. 126–126 об.), в марте 1925 г. В.И. Тайшин участвовал в работе одной из сессий областного Совета депутатов трудящихся (Екатеринбург) (Канев 1995: 30–31). В 1925 г. остяки Тайшин (Обдорский РИК) и Лянтин (Сургутский РИК) и самоед Няруй (Хэнский сельсовет) входили в состав Тобольского комитета Севера (см.: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1925: 103; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 93).

Однако в ходе развертывания революционных преобразований напряжение между старой туземной элитой и местными органами власти нарастало. В 1924 г. на 3-й сессии окрисполкома «остяко-самоедский старшина» В.И. Тайшин свидетельствовал, что советская торговля «сначала привлекла бедного инородца, а потом оттолкнула», так как «много было обмана». А на остяко-самоедском съезде в конце 1924 г. инородцы уже открыто высказались против открытия советскими хозяйственными организациями факторий и сбора ими «ясака» (Гриценко 2004: 149). В свою очередь закрепившаяся на Севере власть Советов стремилась к вовлечению в советское строительство все более «широкой массы инородческого населения», постепенно вытесняя представителей «отживающей системы княжеского и родового управления» (Судьбы народов Обь-Иртышского Севера 1994: 84).

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с реализацией политического курса на форсированное строительство социализма (коллективизацию, индустриализацию) и «советизацию» тайги и тундры (раскулачивание и лишение избирательных прав части коренного населения, строительство культбаз и насаждение советской идеологии, борьба с шаманами, чрезмерно высокое налогообложение, произвол и злоупотребле-

ния властных структур и хозяйствующих органов на местах) ситуация резко изменилась. Образование округов сопровождалось ликвидацией органов местного самоуправления (родовых советов) и упразднением органов государственной власти, формировавших сбалансированную политику в отношении малочисленных народов Севера (Комитета Севера при ВЦИК и его представительств на местах). Переустройство туземного Севера на социалистических началах через коренное перестроение работы туземных и сельских советов обернулось для старой туземной элиты полным крахом. В кампаниях раскулачивания и подавления антисоветских мятежей 1930-х гг. туземная элита «из бывших» была подчинена и физически истреблена. По воспоминаниям родственников, в середине 1930-х гг. Василий Иванович Тайшин скрывался от Советов где-то под Лабытнангами, но его поймали, «посадили на катер, увезли куда-то, с тех пор о нем ничего не известно» (ПМ А.В. Головнёва, Нижняя Обь, 1997). В рамках советского треугольника «метрополия – местная администрация – туземцы» заметная роль отводилась новому «туземному активу», большая часть которого прошла через советскую систему образования. Для поддержания диалога с населением северных окраин более не требовалось специальной системы письма (в том числе и «бумаг», заверенных тамгами и скрепленных печатями птичьего пером), и ее постепенно вытеснили агитационный плакат и печатный документ (законодательные акты и документация советского делопроизводства).

Примечания

¹ Волков Иосиф Петрович (1894–1959) – эсер, офицер царской армии; начал гражданскую войну на стороне белых, затем перешел к большевикам. После ликвидации Колчака был принят в ряды РКП(б). В 1920–1922 гг. член Тобсеввоенревкома (комиссар), заведующий радиостанцией в Обдорске.

² Бейер А.Р. (1863 г.р., г. Доблен Курляндской губ.) с 1 декабря 1981 г. служил младшим наблюдателем Константиновской магнитно-метеорологической обсерватории в г. Павловске, с 1 октября 1900 г. перемещен в Екатеринбургскую магнитно-метеорологической обсерваторию на должность заведующего отделением предупреждения о метелях, с 29 апреля 1913 г. назначен инспектором Тифлисской физической обсерватории в должности коллежского асессора (см.: Архив РАН (Санкт-Петербургский филиал)). Однако не ясно, откуда у А.Р. Бейера возникло пристрастие к фотографии. Отмечу лишь, что фамилия Бейер хорошо знакома в фотографических кругах (например, Рудольф Бейер в середине 1860-х гг. содержал фотоателье в доме Мясликова на Малой Миллионной улице в Санкт-Петербурге, в 1867 г. перевел мастерскую в дом Елисеева на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки, а в 1872 г. – в дом Демидова) (см.: Бейер Иоган Рудольф 2020).

Источники

Акты к коллекции № 1233. Фонд Музея антропологии и этнографии.

Архив МАЭ. Ф. 2. Фонд Г.Д. Вербова. Оп. 1. Д. 106.

Архив МПНЧ. ХМ-44. Волков Иосиф. Борьба с бандитизмом на Тобольском Севере в 1921 году (воспоминания). 1956 г. Ч. 3.

Архив РАН (Санкт-Петербургский филиал). Ф. 4. Комитет правления АН; Правление АН; Управление делами АН СССР; Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН СССР. Оп. 0004. Т. 1. Д. 29.

- ГА в г. Тобольске. Ф. 154. Тобольская казенная палата. Оп. 33. Д. 596.
- ГА ЯНАО. Ф. 5. Обдорский волостной исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, с. Обдорск Березовского уезда Тобольского округа Уральской области. 1921–1924 гг. Оп. 1. Д. 21, 64, 70, 71.
- МАЭ. № 4695/1–19. Коллекция Г.Д. Вербова. 1941 г.
- Научный архив ТИАМЗ. ТМ-13428. Шнуровая книга с печатью Обдорской остяцкой и самоедской управ для записи приговоров, разбирательству тяжб и споров между инородцев и по поступкам их. 1981–1901 гг.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция на р. Полуй, 1988 г.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция на Нижнюю Обь, 2014 г.
- Фотоархив МАЭ № 1233-1–4 (Фотоколлекция А. Бейера. 1904 г.).
- Фотоархив ТИАМЗ. ТМ-15539/90 (Фотоколлекция Н.А. Варпаховского), 15655, 15656.
- Протоколы Первой чрезвычайной сессии Тобольского губернского земского собрания (1 февраля – 10 февраля 1918 года). Тобольск, 1918.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О местных комитетах содействия народностям северных окраин» // Северная Азия. 1925. № 3.

Литература

- Бейер Иоган Рудольф // Стереоскоп. URL: <https://stereoscop.ru/photograph> (дата обращения: 26.01.2020).
- Богданова Н.М. Фотография как инструмент социологического анализа и практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 98–113.
- Головнёв А.В. О киноантропологии // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 21–32.
- Головнёв А.В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.
- Гриценко В.Н. История Ямалского Севера: в 2 т. Омск: Кн. изд-во, 2004. Т. 1.
- Еманов А.Г. Тайшин Василий Иванович // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 3. С. 149.
- Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. Т. 1.
- Иринарх (И.С. Шемановский). Из дневника обдорского миссионера // И.С. Шемановский. Избранные труды / сост. Л.Ф. Липатова. М.: Советский спорт, 2005.
- Канев М. Северные были // Ямальский меридиан. 1995. № 2. С. 30–31.
- Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997.
- Онопrienко В.И. Геологи на Крайнем Севере. 2-е изд., доп., исправл. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2012.
- Первалова Е.В. Родовые канцелярии самоедских старшин (из практики управления туземным населением Северо-Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3 (32). С. 84–88.
- Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР. Т. 27.)
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сб. документов. Тюмень, 1994.
- Хондажевский Н.К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Известия Восточно-Сибирского отделения РГО. 1877–1878.
- Bourdieu P. Introduction // Photography: A Middle-brow Art. Polity Press, 1990.

Perevalova Elena V.

‘AS FAST AS THE BIRD FLIES...’ : ON THE STATE ADMINISTRATION OF SIBERIAN PEOPLES IN THE 1920S TO THE 1930S*

DOI: 10.17223/2312461X/29/11

Abstract. The article examines the historical basis for and circumstances surrounding the dialogue between Soviet authorities and the indigenous population of the Soviet North in the 1920s to the 1930s. In essence, the sovietization meant complete re-appropriation of social and geographical spaces once occupied by the Russian Empire, including suppression (or radical renewal) of the former elite and re-orientation toward the new ideology in remote northern territories such as the Obdorsk region; despite class-based conflicts of interest, the Soviet state had to rely on local ‘rulers’ (representatives of the Taishin dynasty) and family elders, actively using the imperial system of administration of Siberian inorodtsy. The article draws on both unpublished and published illustrative materials and documents from the collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera, Russian Academy of Sciences), Tobolsk Museum-Reserve for History and Architecture, the State Archive of the Yamal-Nenets Autonomous Region, the Museum of Nature and Man in the city of Khanty-Mansiisk, as well as on the author’s own field materials. The study of documents along with visual materials enabled productive use of the ‘close-up’ method in ethno-historical reconstruction; it also allowed presenting the portrait of Vasilii Taishin, the last representative of the Obdorsk ruling dynasty, one of the ethnic leaders during the rise of Soviet power in the Ob North.

Keywords: administration, inorodtsy, Obdorsk Subdivision of Local Executive Committee, Obdorsk rulers, Samoyed elders, Vasilii Ivanovich Taishin, stamps, tamgas, Ostyaks (Khanty), Voguly (Mansi), Samoyed (Nentsy), North-West Siberia

*The article is written as part of the project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFFI) (project No. 18-39-20004, titled ‘Ethno-cultural projects and their leaders in the post-Soviet space’, Principal Investigator S.Yu. Belorussova).

References

- Beier Johann Rudolf, *Stereoskop*. URL: <https://stereoscop.ru/photograph> (Accessed 26.01.2020).
- Bogdanova N.M. Fotografiia kak instrument sotsiologicheskogo analiza i praktik konstruirovaniia vizual'noi samoprezentatsii [Photography as a tool for sociological analysis of visual practices of self-presentation], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, Vol. 15, no. 2, pp. 98–113.
- Golovnev A.V. O kinoantropologii [On ciné-anthropology], *Antropologicheskii forum*, 2007, no. 7, pp. 21–32.
- Golovnev A.V. Krupnyi plan v antropologii [Close-up in anthropology], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2010, no. 4 (29), pp. 14–20.
- Gritsenko V.N. *Istoriia Iamal'skogo Severa: V 2 t. T. 1* [The history of the Yamal North in two volumes: Vol. 1]. Omsk: Kn. izd-vo, 2004.
- Emanov A.G. Taishin Vasilii Ivanovich. In: *Iamal: entsiklopediia Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Yamal: Encyclopedia of the Yamal-Nenets autonomous region]. Salekhard, 2004, Vol. 3, pp. 149.
- Zorina L.I. Ural'skoe obshchestvo liubitelei estestvoznaniia. 1870–1929. Iz istorii nauki i kul'tury Urala [The Ural Society of Natural History Lovers, 1870–1929. From the history of science and culture of the Urals]. In: *Uchenye zapiski Sverdlovskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia. T. 1* [Scientific writings of Sverdlovsk Regional Museum of Local History. Vol. 1]. Ekaterinburg: Bank Kul'turnoi Informatsii, 1996.

- Irinarkh (I. S. Shemanovskii). Iz dnevnika obdorskogo missionera [From the diary of an Obdorsk missionary]. In: *I. S. Shemanovskii. Izbrannye trudy* [I. S. Shemanovskii. Selected works]. Compiled by L. F. Lipatova. Moscow: Sovetskii sport, 2005.
- Kanev M. Severnye byli [Northern stories], *Iamal'skii meridian*, 1995, no. 2, pp. 30–31.
- Nosilov K. D. *U vogulov: Ocherki i nabroski* [Among the Voguly: Essays and notes]. Tiumen': SoftDizain, 1997.
- Onoprienko V.I. *Geologi na Krainem Severe* [Geologists in the Far North]. 2nd ed. Kiev: Informatsionno-analiticheskoe agentstvo, 2012.
- Perevalova E. V. Rodovye kantseliarii samoedskikh starshin (iz praktiki upravleniia tuzemnym naseleniem Severo-Zapadnoi Sibiri) [Clan 'Chanceries' of the Samoyed elders (On the practices of administration of the native population of North-West Siberia)], *Ural. istor. vestn.*, 2011, no. 3 (32), pp. 84–88.
- Sergeev M. A. *Nekapitalisticheskii put' razvitiia malykh narodov Severa* [Non-capitalist development of the small-numbered peoples of the North]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. (Trudy Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia / Akad. nauk SSSR. T. 27.)
- Sud'by narodov Ob'-Irtyskogo Severa (Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva. 1822–1941 gg.). Sbornik dokumentov* [The fate of the peoples of Ob-Irtys North (From the history of building the nation and the state)]. Tiumen', 1994.
- Khondazhevskii N.K. Zimnee issledovanie nagornogo berega Irtysha ot Tobol'ska do Samarovo i severnykh tundr mezhdub Obskoiu guboiu i Surgutom [A wintertime study of the bank of Irtysh River from the city of Tobolsk to Samarovo and northern tundra territories in-between the Gulf of Ob and the city of Surgut], *Izvestiia Vostochno-Sibirskogo otdeleniia RGO*. 1877–1878.
- Bourdieu P. Introduction. In: *Photography: A Middle-brow Art*. Polity Press, 1990.